

В.В. Бочаров

ЖЕНЩИНА КАК РЕСУРС МУЖСКОЙ ВЛАСТИ

Власть мужчин, управление женщин. Положение о том, что власть мужчины над женщиной обусловлена естественными причинами, прежде всего, различиями в психофизиологии, не принимается, как известно, антропологами феминистского направления. Они, с подачи его провозвестников XIX столетия Бахофена, Макленнана и Моргана, в той или иной мере поддерживавших идею матриархата, считают, что первоначально женщины доминировали в общественной жизни, однако потом положение вследствие разных причин коренным образом изменилось в пользу мужчин. Эта же идея поддерживалась и марксизмом, в результате чего порожденные им политические режимы, в первую очередь в России, всегда придавали большое значение решению «женского вопроса».

Однако этнографические данные, а также этноисторические источники однозначно свидетельствуют о том, что в самых разных культурах существовала (и существует) та или иная степень мужского доминирования. Это относится только к «внешнему пространству», или пространству «вне дома», так как во «внутренней жизни», как правило, доминировала женщина. Правда, здесь скорее следует говорить о категориях не «власти», а «управления». Имеется в виду то, что официально господствующее положение занималось мужчиной (мужем), в то время как женщина действовала неформально (исподволь), эффективно направляя деятельность мужа.

В некоторых культурах социальный контроль, осуществляемый женщинами над поведением мужа, был очень сильным. Это в полной мере относится к русской культуре. В русском фольклоре «женское» и «мужское» пространства составляют вселенскую гармонию: «Баба да кошка в избе, мужик да собака на дворе»; «От хозяина чтоб пахло ветром, от хозяйки — домом». Поэтому: «Муж — представитель своей

семьи во всех делах с соседями, с миром, с властями. Жена за его спиной не знает никаких хлопот вне дома: «Побереги Бог мужа вдоль и поперек, а я без него ни за порог»».

Со смертью мужа женщине приходилось выполнять несвойственные ей «внешние политические функции», что воспринималось не иначе, как «вдовье горе». Дома жена далеко не бесправна, более того, она, по сути, руководит мужем: «У плохой бабы муж на печи лежит, а хорошая сгонит». Но руководство мужем осуществлялось на неформальной основе, как бы исподволь: «Жена мужа не бьет, а под свой нрав ведет» [Желобовский 1892: 2–31].

Принято считать, что у мусульман влияние женщин на поведение мужчин минимально, включая все сферы деятельности. Коран однозначно утверждает власть мужчины в семье: «Мужья стоят над женами за то, что Аллах дал одним преимущество перед другими. <...> Жена не может покинуть мужа, даже если он совершает дурные поступки» (Сура 24). Однако собственный полевой материал ставит под сомнение данный постулат. Будучи в экспедиции в Абхазии в 1980 г., мы были приглашены в гости муллою. После застолья я разговорился с его женой, которая была гораздо моложе своего мужа. Разговор зашел о положении женщины. Она сказала примерно следующее: «Да, я не сижу за столом, ничего не могу приказывать мужу по домашнему хозяйству, но я гляну туда, и он сделает, посмотрю сюда, он и то сделает». Власть женщины в доме распространялась на детей, а также на младших женских родственников (свойственников).

Можно отметить и некоторые «внешнеполитические» функции женщин, зафиксированные в традиционных культурах. Они сводились к поддержанию разного рода отношений (экономических, социальных) между домохозяйствами. Иными словами, жены, взаимодействуя друг с другом, решали некоторые вопросы, которые влияли на отношения в социуме в целом.

Словом, на заре человеческой истории сложился определенный баланс между властно-управленческими функциями, осуществляемыми полами. Если мужчины занимались политикой на уровне социума, то женщины — на уровне дома. Эта взаимодополняемость обеспечивала реализацию генетических программ, присущих мужским и женским особям в принципе. Если женщины, как считает Геодакян [1965: 105–113], гарантируют простое воспроизводство вида, то мужчины — его развитие за счет выработки инноваций. В социальной сфере это выражалось в том, что женщины, реализуя властно-управ-

ленческие функции дома, тратили свою энергию преимущественно на рождение и первичную социализацию потомства (простое воспроизводство). Мужчины же создавали внешние «политические» структуры: возрастные классы, мужские союзы, союзы охотников, тайные союзы (инновационная деятельность — расширенное воспроизводство).

Мужская активность, таким образом, способствовала становлению политической системы, складывались новые формы властных отношений. Однако, осуществляя свои полномочия во «внешней» сфере, мужчины черпали ресурсы для этого у женщин. Иными словами, женщины играли важную роль и в тех отношениях власти, которые в первичном социуме складывались между мужчинами «вне дома», т.е. там, где они безраздельно доминировали.

Данная статья посвящена, во-первых, выявлению механизмов, посредством которых женщины осуществляли эту роль в раннем социуме, во-вторых, доказательству того, что те же механизмы во многом определяют и поведение современных людей.

Брак и право на власть. Материалы по традиционным культурам, а также этноисторические источники свидетельствуют о том, что мужчины обретали высокий статус в социуме только благодаря женщине. Более того, мужчина имел возможность состояться в качестве социального субъекта только посредством женщины.

Так, полноправным членом социума мужчина становился только после заключения брака. Остаться холостяком считалось позорным. Практически везде к ним относились с великим презрением и сожалением. В русском фольклоре «холостой — что бешеный»; «холостой — полчеловека». В иудаизме тот, кто еще не создал семью, не является в полном смысле человеком [Тюгашев 2006]. Холостяки продолжали пребывать в статусе мальчика-юноши.

Данный поведенческий архетип, возникший, вероятно, на заре человеческой истории, обнаруживается и в поведении современников. В той или иной мере данного «неписаного закона» придерживаются сегодня представители практически всех культур. В частности, вряд ли мы сможем легко обнаружить холостяка, стоящего во главе государства, да и вообще на вершине государственной иерархии.

Этот принцип сохраняется и в современных монархических режимах, что вполне естественно. Монарх, восходящий на престол, обязан быть социально полноценным субъектом, т.е. иметь жену. Незнание данной обычно-правовой нормы подчас приводит историков к невер-

ным выводам при оценке тех или иных событий прошлого. Приведу пример.

К.Ф. Шацилло, доктор исторических наук, анализируя дневники последнего российского императора Николая II, пишет, что тот являл собой пример исключительной «эмоциональной тупости». Основанием послужил известный факт, что Николай сочетался браком с Александрой Федоровной сразу после смерти своего отца — императора Александра III, скончавшегося 20 октября 1894 г., в условиях траура по покойному. Шацилло приводит текст из дневника Николая: «22 октября. Суббота. Происходило брожение умов по вопросу о том, где устроить мою свадьбу. Мама, некоторые другие и я находил, что всего лучше сделать ее спокойно, пока еще дорогой Папа под крышей дома» [Дневники 1991: 10].

Шацилло комментирует: «“Дорогой Папа”, едва остыв, лежит на первом этаже, любящий сын и мысли не допускает о том, что свадьбу можно отложить, <...> и готов пировать над трупом отца этажом выше». С точки зрения христианской морали, необходимо было бы подождать хотя бы 40 дней, пока душа умершего не удалится на тот свет¹.

Представляется, что сам будущий император и его ближайшие родственники придерживались архетипической модели поведения. Для этой ментальности, сформировавшей в рамках идеологических представлений культа предков, в противовес христианским воззрениям, подобное поведение вполне правомерно. Предполагается, что «Папа» является свидетелем столь радостного события, когда его потомок, обретя социально-полноценный статус, т.е. вступив в брак, наследует его должность.

Автор комментария, оценивая поведение Николая, исходит из христианских ценностей. Конечно, Шацилло прав в том, что Николаю как лидеру православной страны с многовековой историей следовало бы исходить отнюдь не из «языческих» ценностей. Тем не менее данный поведенческий архетип, как видим, прочно удерживается на различных этапах развития общественной системы.

Другой пример — история с восхождением на престол нового короля Марокко Мухаммеда Шестого 30 июля 1999 г. после смерти отца — Хасана Второго. Как сообщал ряд западных СМИ, церемония провозглашения нового короля проходила с некоторой задержкой,

¹ Венчание состоялось 14 ноября 1894 г. в Большой церкви Зимнего дворца.

поскольку молодой монарх якобы должен был срочно... жениться. Дело в том, что, согласно традиции двора, королем мог стать только женатый престолонаследник. Кстати, столь же экстренно вынужден был оформить брак (опять-таки по слухам) и покойный Хасан перед восхождением на трон в 1961 г.

Марокканские власти официально опровергли подобные слухи, заявив, что они являются «фальсификацией, направленной на подрыв авторитета правящей династии и нового суверена» и что свадьба не могла состояться во время 40-дневного траура [Мухаммед VI: 2005].

Представляется, что на данном примере мы вновь сталкиваемся с феноменом культурного плюрализма. Источником «компрометирующих слухов» могло стать только население Марокко, которое удерживает данный поведенческий архетип. Между тем, с точки зрения ислама, подобное поведение неприемлемо. Иными словами, перед нами — культурный конфликт, но здесь реальное поведение отличается от архетипического: хотя брак короля, видимо, состоялся после его провозглашения, он трактуется народной культурой в прежней системе ценностных координат.

Традиционные взгляды на обретение мужчиной зрелости лишь после вступления в брак восходят к архаической социальной организации. Этнографические материалы, обнаруженные исследователями в XIX–XX столетиях, дали основания предполагать, что первичный социум строился на системе т.н. возрастных классов. Сначала такие общества были зафиксированы в Восточной Африке [Калиновская 1976], затем следы присутствия возрастных классов стали находить у народов других регионов мира¹.

Как предполагается, возрастные группы (классы) состояли из индивидов одного биологического возраста. Их было несколько, но главные — это дети, молодежь (неженатая), зрелые мужчины, старейшины и старики. Переход из класса в класс проходил одновременно по истечении некоторого времени, в среднем 6–8 лет. Он сопровождался специальными ритуалами («ритуалы перехода»), после чего все члены когорты получали новое имя, знаки отличия, обретали

¹ Отмечу, что далеко не все исследователи разделяют данную точку зрения, считая, что возрастной принцип хотя и был определяющим в первобытных общественных структурах, но это не означало, что все они когда-то состояли из институализированных возрастных образований (возрастных классов) [Бочаров 2000: 54–55].

иные права и обязанности [Там же]. По мере их продвижения по возрастной лестнице права, связанные с принятием управленческих решений, а также статус когорт возрастали, достигая своего пика в степени старейшинства (40—45 лет). Затем снова шли на убыль. Старики, как и дети, вовсе исключались из управления обществом. Например, у *галла* (Восточная Африка) они именовались «немыми», т.е. так же, как дети, не имевшие голоса при принятии решений [Бочаров 2000: 53—59]. Практически они лишались голоса и в русской культуре [Белов: 1984].

Брак и возраст в архаическом обществе. Кросскультурный анализ отчетливо свидетельствует о том, что социальная неполноценность повсеместно маркировалась в категориях возраста (*ребенок — раб*). В старославянском, чешском и словацком языках слово *отрок* также означало *раб*. Этимология слова отрок — неговорящий, бессловесный, не имеющий права говорить, т.е. принимать участие в управлении общественными делами. В частности, в Древней Руси *отроками* назывались не только дети, но и иноплеменные пленные, по сути, рабы.

«Челядь», как утверждают лингвисты, также восходит к слову *дети*, т.е. люди, не имеющие никаких прав. В договорах Руси с Византией под *челядью* разумелись рабы-пленники. Наконец, и слово *холоп* также восходит к *детству*, холоп — хлопец, т.е. ребенок. Холоп в отличие от челядина — это раб, вышедший из *своих*, т.е. из недр местного общества [Бочаров 2001: 527].

Реконструкция ранних форм социальности дает основания предполагать, что первоначально вступление в брак происходило одновременно у всех представителей мужчин определенного возраста (определенного возрастного класса). В результате данная когорта юношей становилась полноправными мужчинами. Если до этого они участвовали в военной деятельности, осуществляя по приказу старших набеги на соседей, или занимались выпасом скота и другими подсобными работами, то теперь они допускались к принятию управленческих решений.

Пример подобной организации брачного процесса европейцы могли наблюдать еще в XX столетии у зулусов (Африка): «Юноши собирались в военные краали по воле короля, <...> они действовали и как армия, и как полиция, и как рабочие команды, <...> сражались в боях с врагами и делали набеги на чужие стада. <...> Девушки, как и юноши, также объединялись в возрастные группы или полки, но

у девушек это было лишь номинально. Взрослые девушки примерно одинакового возраста, не включенные еще ни в какую группу, получали от короля общее групповое имя. <...> Когда распускали какой-нибудь полк, т.е. позволяли им жениться, <...> король приказывал старшей женской группе с этого времени носить узел волос на макушке <...> и разрешал выходить замуж. Без королевского дозволения никто — ни девушки, ни мужчины — не имели права вступать в брак» [Брайант 1953 128–131].

Повторные браки как «социальное омоложение». По мнению ученых, стройная архаическая система, когда вся когорта юношей одновременно вступала в брак по достижении определенного биологического возраста, начала давать сбой по мере усиления родового принципа в организации социальной структуры традиционного общества. Первостепенную роль стал играть материальный фактор. Теперь не все молодые люди могли вступать «вовремя» в брак, так как это зависело от их биологических отцов, от способности последних заплатить калым. Если патриарх не мог этого сделать, то его сыновья, несмотря на биологический возраст, продолжали «ходить в мальчиках», т.е. не переходили в следующую возрастную степень. Подчас отцы попросту не хотели расставаться со своим привилегированным социальным положением, продолжая эксплуатировать труд сыновей.

Наблюдая за социумами, сохранившими архаическую структуру вплоть до XX столетия, антропологи нередко сталкивались с фактами, когда зрелые в биологическом отношении мужчины продолжали оставаться социальными детьми, т.е. не имели никаких управленческих прав. Например, М. Вильсон, изучая ньякуса в Южной Африке, застала картину, когда старый вождь и его поколение оставались у власти, хотя их срок давно вышел. Они объясняли, что молодежь «еще не созрела», чтобы их сменить, хотя «молодым» было порядка 40 лет. Здесь «сбой» в традиции произошел под влиянием англичан, которые стремились оставить старшее поколение у власти, т.е. вождя с его «двором», представлявшим одно поколение. При этом старики (в биологическом отношении) продолжали вступать в брак с женщинами, предназначенными для их сыновей. Таким образом они «омолаживали» себя социально, так как именно брак с данной когортой женщин символизировал, с точки зрения прежней традиции, право на получение высокого статуса, т.е. власти [Бочаров 1992].

Иными словами, женщины выступали в качестве своего рода «хранительниц» власти, которую мужчины могли заполнить, только всту-

пив с ними в брак. Отражение данного архетипического феномена В.М. Мисюгин обнаружил в фольклоре Древнего Египта, в частности в мифе об Осирисе и Изиде. Старший «брат» Осирис имеет «сестру» — жену Исиду¹, а у долженствующего сменить его младшего «брата» Сета (представителя нисходящего возрастного класса и легитимного наследника Осириса) есть невеста Нефтида. Но Осирис женится и на ней, чем исключает Сета из права преемственности и таким образом продлевает свое нахождение у власти. Иными словами, его «время» продлевается повторным браком.

Предполагается, что сложившаяся на определенном этапе традиция продлевать нахождение во власти новым браком на молодой женщине вызвала к жизни институт полигинии, что, в свою очередь, породило представление о бессмертии богов: «Видимо, в таком же “ключе” было архаическое представление о “бессмертии богов”, как бесчисленное повторение браков, например, бесчестность жен древнегреческого бога Зевса». Иными словами, социальное бессмертие, обретаемое путем заключения все новых и новых браков, стало осмысливаться как бессмертие биологическое [Мисюгин 1998: 120].

Убийство же Сетом Осириса также можно трактовать как отражение архетипического поведения в системе властных отношений, когда предыдущий правитель ритуально убивался. Это фиксировалось во многих африканских традиционных культурах [Бочаров 1992].

Женщина как «хранительница власти». Иными словами, «сестры» изначально — это возрастная группа (класс) женщин, с которыми вступала в брак когорта «братьев». «Сестра-жена», будучи «хранительницей» статуса власти, занимала достаточно высокое положение в социуме. С развитием же социально-политической организации брак на «сестре» продолжает легитимировать право правителя на власть. Этот поведенческий феномен раскрылся в полном виде в институте сестер-соправительниц, в котором «хранительница» власти могла сама также реализовывать властные полномочия. По мнению Л.Е. Куббеля, для случаев соправления характерно следующее: если жена правителя пользуется широкими правами в административной и судебных областях, то этими правами она обладает скорее как

¹ По мнению В.М. Мисюгина, термины родства в данном случае указывают не на кровное родство, а на классификационное, идентифицируя брачные группы «братьев» и «сестер».

сестра царя или — после смерти мужа — как мать его восприемников, чем как супруга.

Институт сестер-соправительниц зафиксирован этнографами у многих народов Африки от юга до севера, от запада до востока [Куббель 1960: 149–151]. Он был также зафиксирован в иньском Китае, древней Спарте, Индии, Северной Америке, на островах Микронезии [Ксенофонтова 2006]. В этом институте, с одной стороны, сохранялся брак на «сестре», благодаря которому мужчина обретал статус правителя, с другой же, будучи «хранительницей», она и сама могла использовать часть властных полномочий.

При этом же она должна была позиционировать себя как мужчина, так как властителем мог быть только мужчина. Яркий пример — древнеегипетская царица Хатшепсут (1525–1503 до н.э.), которая после смерти своего брата-мужа Тутмоса II стала фараоном. Приняв титулатуру фараонов, Хатшепсут стала изображаться в головном уборе хат с уреем, с накладной бородкой. Эти символы «маскулинности» царица часто надевала на официальных церемониях. Подобным же образом вели себя и африканские сестры-соправительницы [Куббель 1960].

Функция женщины как «хранительницы» мужского статуса-власти могла принимать и иные формы. Интересный пример дает этническая группа качин (Бирма), у которых несколько родов одной группы связывались брачными узами с другими родами, входящими в группу, стоящую ниже по своему социальному положению. Взаимный интерес был таков: в обмен на женщин, которых они уступали родам, стоящим ниже по социальному положению и желающим иметь жен более высокого происхождения, высокопоставленные роды получали брачную компенсацию, размер которой напрямую зависел от социального положения отдаваемых ими женщин [Рулан 1999: 107].

Аналогичную роль играла женщина и у древних римлян: «Если отец единственной дочери умирал, не усыновив никого и не оставив завещания, то древний закон предписывал, чтобы наследником ему был его ближайший родственник, но наследник этот был обязан жениться на его дочери. <...> Она не наследовала сама лично, но через нее передавался культ и наследство» [Куланж 1906: 79–81].

Исчерпывающий материал, основанный на европейской истории, также свидетельствует о том, что любой «правитель со стороны», будь то чужак, завоеватель, узурпатор и т.д., «мог сделать свою власть легитимной в глазах членов социума, лишь вступив в брак с женщиной

с соответствующей родословной» [Грот 2009: 132–194]. Классическим примером «хранительницы» является гомеровская Пенелопа, из-за которой отчаянно соревнуются мужчины, стремясь заполучить ее согласие на брак, сулящий избраннику высокий статус и богатство.

Отголоски данного архетипического пласта фиксируются в поведении современников. Хорошей иллюстрацией может служить брачное поведение большевиков после Октябрьской революции. Уже в 20-х годах XX столетия новые «начальники» стали бросать своих «работниц» и жениться на представительницах дворянского сословия. Эта практика приняла серьезные размеры. Данная проблема даже была поставлена на обсуждение на одном из партийных форумов ВКП(б): «Можно привести цифровые данные, что товарищи разводятся с работницами и сходятся с бывшими генеральскими женами, с офицерскими женами, с купчихами и с кем угодно» [Партийная этика 1989: 211].

Очевидно, что это было вызвано потребностями в новой социальной самоидентификации за счет привлечения традиционных (обычно-правовых) символов статусности. Иными словами, новые правители, как видно, сами ощущали эту потребность, а также стремились таким образом убедить окружение в легитимности своего нового положения в обществе, прибегнув к закодированному в человеческой культуре образу действий, где женщина является главным сигнификатором социально-политического статуса мужчины.

В связи с этим интересные данные приводит наша коллега-этнограф Э. Панеш в своем исследовании этнических групп Западного Кавказа в СССР. По ее материалам, *бжедуги* в советский период фактически монополизировали партийно-государственный аппарат данного административно-территориального района, занимая в нем все посты. В результате проникновение туда представителей других племенных подразделений практически было невозможным. При этом имела место, по ее словам, имитация кровно-родственных отношений за счет установления своего рода экзогамии, когда мужчины, находившиеся у власти, вступали в брак преимущественно с русскими [Панеш 1995: 31]. Выбор брачных партнеров диктовался этнической иерархией, существовавшей в Советском Союзе, в которой, как известно, русские выступали в качестве «старшего брата». Естественно, что браки с его «сестрами» укрепляли в сознании представителей окружающих племен право бжедугов на верховенство.

Налицо и стремление современных «хозяев жизни» легитимировать свой статус браком с женщиной из престижных по прежним меркам социальных сфер: культуры, образования, науки и т.д., а также с женщиной с дворянскими корнями или принадлежавшей к семьям бывшей партийной и советской номенклатуры.

Сексуальность и власть в архаической ментальности. Выше отмечалось, что появление института полигинии связано с процессом социальной дифференциации, когда возникавшая персональная власть стала легитимировать себя посредством брака с женщинами, предназначавшимися для следующего поколения. В античной мифологии на этой основе формируется идея бессмертия, которое приписывается богам, имеющим «несметное число жен». Словом, феномен полигинии стал идентифицироваться с сакральным статусом. Неудивительно поэтому, что повсеместно у архаических лидеров (вождей, монархов) были самые большие гаремы, служившие маркером данного статуса.

Обретение подобным образом доминантной позиции осмысливалось архаическим сознанием в магических представлениях, восходивших к культу плодородия, наличие которого фиксируется этнографами практически повсеместно. Он связан с проявлениями сексуальности, половым актом как креативным космическим началом. В соответствии с этим число жен служило одним из главных маркеров сакральной силы архаического лидера, посредством которой он обеспечивал природное и социальное плодородие.

Для многих традиционных культур характерны фаллические обряды в честь богов плодородия, сопровождавшиеся сексуальными оргиями. На Украине, например, еще в XIX в. в период посева фиксировался обычай ритуального совокупления на полях. Мужские гениталии символизировали силу, могущество, власть, общее одухотворяющее, но необязательно детородное начало. В наскальных изображениях каменного века мужчины более высокого социального ранга наделяются более длинными членами [Кон 1988].

Словом, наличие у вождя силы в известном смысле отождествлялось с сексуальным здоровьем, за состоянием которого общество тщательно следило. Нельзя было допустить, чтобы лидер оказался «бессильным». Например, если старейшине, надзирающему в некоторых африканских племенах за гаремом вождя, становилось известно, что вождь стал совсем плох, то его ждала незавидная участь. Он далее не мог оставаться у власти, так как, с точки зрения соплеменников,

его недомогания непременно негативно отразились бы на состоянии всего социума. В это верили и сами вожди. Есть сведения о том, что их настигала психогенная смерть, когда они обнаруживали у себя отсутствие силы.

Поэтому ритуальные действия, в процессе которых лидеры обязаны демонстрировать свое «здоровье», — широко распространенная практика в архаических системах. Из арабских источников известно «о соитии царя русов в присутствии своих “сподвижников”, чем удостоверялась физическая сила царя. Об этом же свидетельствовало и число жен и наложниц царя русов и князя Владимира» [Фроянов 1996: 94–95]. Много написано о подобных «подвигах», совершенных прилюдно известным африканским вождем Чакой-зулу [Риттер 1968].

Данный ментальный пласт обнаруживается в поведении и современных мужчин. Число «покоренных» женщин служит в мужской среде важным маркером статуса. Т.Б. Щепанская пишет о данном феномене в субкультуре хиппи. По ее наблюдениям, авторитет лидера тусовки, помимо прочего, зависит от числа «покоренных» им женщин: «у каждого “олдового” (лидера. — В.Б.) обычно множество юных поклонниц». Продвижение в социальной иерархии опять же сопряжено с женщиной, которая выступает в качестве «объекта охоты»: «Тогда продвижение (повышение статуса) от “пионера” до “олдового” может быть описано как приближение (или же облегчение допуска) к “объекту охоты”. “Пионеры” охота запрещена. <...> Он получает <...> доступ к герлам, но только достигнув степени “олдовости”».

По наблюдениям исследовательницы, именно результаты «охоты» определяли статус мужчины в этом сообществе: «Для одних становится просто обилие сексуальных партнеров; для других — удачный брак; для музыкантов и художников — обретение восторженных почитательниц (и, как следствие, профессиональное самоутверждение). Именно таким путем приобрели первоначальную известность многие художники-авангардисты и музыканты, вышедшие из хипповской среды» [Щепанская 2005: 255–258].

Архетипическое поведение, ориентированное на демонстрацию силы (сексуального здоровья), широко представлено сегодня в поведении пожилых мужчин. Нередко можно слышать их похвальбы о связях с молодыми женщинами, что, несомненно, мотивировано стремлением повысить свой статус в мужском коллективе. Это особенно заметно в поведении высокостатусных персон — политиков, преуспевающих бизнесменов. Они либо обзаводятся молодыми же-

нами, либо нанимают в специальных агентствах молодую («презентабельную») женщину для участия в разного рода публичных мероприятиях. Она призвана демонстрировать силу своего партнера, обеспечившую ему «жизненный успех».

Подобное поведение свойственно и пожилым политикам. В государствах Востока зачастую такие политики изображаются на портретах мужчинами «в расцвете сил», несмотря на их преклонный возраст. (Это памятно бывшим советским гражданам, именно такими они видели на портретах своих вождей, в реальности — дряхлых стариков.) В этих государствах информация о состоянии здоровья верховного правителя всегда жестко табуирована. Молодая женщина же удостоверяет «физическое здоровье» власти. В коммунистической Болгарии 1980-х годов газеты пестрели фотографиями лидера страны Т. Живкова, в то время глубокого старика, вместе с его молодой женой.

Еще более ярко подобное поведение было представлено в коммунистическом Китае. По широко распространенной мифологии, у Мао Цзедуна существовал своего рода гарем из молодых девиц, сексуальность которых, как утверждает, служила омолаживающим фактором для старого вождя. Данная трактовка, на мой взгляд, имеет самое прямое отношение к упоминавшимся выше древним мифам, увязывавшим многоженство с бессмертием. Кстати, и поведение стареющего генсека КПСС Л. Брежнева, по воспоминаниям очевидцев, нарочито демонстрировавшего свою связь с молодой стюардессой, имеет, на мой взгляд, те же истоки [Бочаров 2006: 360–376].

Данный поведенческий архетип можно фиксировать и в поведении западных политиков. Интересна в этом смысле реакция населения США на известный скандал, связанный с сексуальными похождениями президента Б. Клинтона: «Произошла любопытная вещь: популярность президента в действительности возросла» [Харрис 2003]. Данной факт свидетельствует, с одной стороны, об укорененности в «народном» сознании известных архетипических представлений, увязывающих сексуальность с силой, с другой же — об их конфликте с официальным поведенческим кодексом западного политика, истоки которого лежат в христианском аскетизме. Поведение же публичного политика, по определению стремящегося к популярности, ориентировано именно на народное сознание, а поэтому его «девиантное» поведение в этой сфере, с точки зрения норм официальной морали, на самом деле ведет к росту его популярности.

В этой же плоскости можно рассматривать и брак президента Франции Н. Саркози и известной модели К. Бруни, который, несомненно, сигнализирует о «покорении» политиком «секс-символа», что привело к росту его популярности, хотя многие СМИ изначально негативно освещали данное событие. В настоящее время активно обсуждается беременность К. Бруни, при этом доминирует мнение, что этот факт будет серьезным аргументом в пользу действующего президента на предстоящих президентских выборах.

Безбрачие в молодежно-военной культуре и политическая власть. Политическая власть с момента ее рождения старалась регламентировать брачный процесс, контролируя таким образом социальную динамику своих подданных. Как отмечалось, без дозволения зулусского вождя никто — ни девушки, ни мужчины — не имели права вступать в брак. Это было важно для раннего политического объединения типа вождества, так как его ядром была дружина, которая состояла из неженатой молодежи.

Традиция, предписывающая неженатой молодежи заниматься войной (набегами), еще более древняя, связанная с социальной организацией, построенной на возрастном принципе. У зулусов юноша пребывал в дружине до 30 лет, что считалось очень долгим сроком, но уволиться он мог только с разрешения верховного вождя и лишь затем вступить в брак, обретая тем самым статус полноценного члена социума. Словом, регламентация брачного процесса была необходима для поддержания института дружины — центрального для данной стадии политогенеза.

Власть лидера, позволявшая ему устанавливать сроки пребывания в дружине юношества, исходила из новых возможностей, которые тот обрел с появлением вождества. Теперь он брал на себя функции отца семейства, обеспечивая своих воинов брачным калымом из тех ресурсов, которые захватывались посредством военных экспедиций. Поэтому в дружину шли преимущественно сыновья бедных родителей, не имевших возможности обеспечить ресурсами своих чад. Таким образом, дружинники были полностью лояльны вождю, так как теперь только от него зависело их социальное будущее, соответственно они и называли вождя «отцом».

Сами же великие вожди зулусов (Чака, Дингаан и др.), несмотря на свой биологический возраст, оставались холостяками, что символизировало приверженность военно-молодежной традиции. Этим самым они как бы приносили себя в жертву, оставаясь в низком статусе

ради интересов общества, хотя и имели большие гаремы. Словом, безбрачием они демонстрировали приверженность своему воинству, служившему теперь главой опорой власти. Гарем же свидетельствовал об их силе, легитимируя в соответствии с известными магическими представлениями их право на лидерство.

В поведении вождей эпохи тоталитаризма, опиравшихся на армию, также отчетливо фиксируется архетипический поведенческий пласт, символизирующий принадлежность лидера к неженатой молодежи, независимо от его биологического возраста. А. Гитлер, как известно, отвечал на вопросы о своем безбрачии словами: «Моя невеста — Германия». Сталин, став диктатором, предпочел остаться холостяком, подчеркивая свой статус ношением военной формы. Ряд лидеров подобного толка, обретя диктаторские полномочия в брачном статусе, резко изменили свое поведение, откровенно демонстрируя молодецкий разгул с множеством женщин (Ататюрк, Гито).

Подобное поведение символизировало, с одной стороны, их «свободу», предназначенную для «свершения великих дел во имя нации», с другой же — их силу. Муссолини, как известно, не только открыто ее демонстрировал в поведении с женщинами, но и сделал дату своего рождения государственной тайной, что гарантировало ему «вечную молодость».

Корреляция безбрачия со статусом воина, а также стремление политической власти регулировать брачный процесс фиксируется в середине XIX в. практически во всех европейских странах. Военнослужащие должны были получать разрешение на брак у высшего начальства (военного министерства или даже главы государства). Также запрещалось создавать семьи до достижения определенного возраста; имело место квотирование семейных лиц (с этой целью в каждом полку устанавливалась предельная доля женатых); от вступивших в брак требовалось материальное возмещение [Веремченко 2006].

В России XVIII в. запрещалось жениться солдатам и студентам, а также детям дворян, не поступавшим в школы и на государственную службу. Иными словами, власть препятствовала обретению социальной полноценности по обычно-правовым меркам традиционного общества без достижения соответствующего статуса в государственной иерархии. В XIX в. браки чиновников и военных, социального оплота государства, также контролировались властью. В 1899 г. начала свою работу комиссия под председательством генерал-майора С.И. Бибикова. Итогом ее деятельности, в целом поддержанной

Военным советом, стало издание нового закона о браках офицеров, объявленного в приказе по военному ведомству (№ 102 от 19 марта 1901 г.). Повышался статус руководителей, дававших согласие на брак [Веремченко 2006].

Насилие над женщиной в рамках военной культуры. В традиционных обществах, в которых война было делом неженатой молодежи, насилие над женщиной расценивалось как проявление молодечества и удалства, что повышало статус насильника в среде сверстников. Причем акции подобного рода, похоже, носили ритуальный характер, увязывались с обрядами инициации.

В русской культуре: «Для молодых мужчин участие в них (подобных акциях. — В.Б.) нередко превращалось как бы в “пропуск” в среду сверстников или в молодежный союз» [Блуд на Руси 1997]. Данная поведенческая норма входила в «этический кодекс» войны повсеместно, когда насилию подвергались женщины побежденных. И сегодня многочисленные сведения, поступающие из «горячих точек», говорят о том, что изнасилование женщин поверженных врагов остается одной из составляющих поведенческого «кодекса победителей».

Эти акции, с учетом того, что архаическая ментальность жестко увязывала мужа и жену в единое целое, символизировали доминирование над побежденными мужчинами. Яркий пример, когда изнасилование выступает в качестве подобного рода маркера, имеется в нашей древней истории. Иностранец свидетельствовал: «Ярополк направляется к брату. Когда он входит в ворота, то два варяга умерщвляют его на глазах Владимира, смотрящего на это с некой башни. По свершении этого Владимир изнасиловал жену брата, родом гречанку» [Контарини 1989: 41]. Итак, убив соперника в борьбе за власть, победитель насилует его жену, утверждая тем самым окончательное подчинение и иных «ипостасей конкурента» своей воле.

Подведем итоги. В первичном социуме формируется распределение сфер влияния по гендерному признаку, когда мужчина доминирует в социальном пространстве «вне дома», женщина — внутри домохозяйства. Правда, она, скорее, «управляет», чем «властвует», так как в качестве формального доминанта и здесь выступает мужчина. Подобное распределение ролей объясняется психофизиологическими особенностями разнополых организмов.

Однако во «внешнем пространстве» власть мужчины детерминирована женщиной. Только брак делает его правоспособным к осуществлению властно-управленческих функций. С разложением пер-

вобытной формации лидеры (старшие) начинают «перекрывать» доступ молодежи к женщинам, вступая в повторные браки, вопреки традиции, с теми их представительницами, которые предназначались для молодого поколения. Тем самым они как бы социально омолаживались, получая право продолжать исполнять престижные властные полномочия. Здесь коренятся истоки полигинии. По мере нарастания социальной дифференциации, появления специализированных институтов власти женщины высоких социальных страт становятся «хранительницами власти», брак с которыми только и может обеспечить мужчине доминантный статус.

С возрастанием роли войны в общественно-хозяйственной деятельности, в которой задействована преимущественно молодежь, наблюдается обратная тенденция, а именно: безбрачие, символизирующее принадлежность к воинству, начинает определять авторитет полководца. В то же время власть жестко регламентирует брачную активность своих подчиненных, сосредоточивая в своих руках необходимые для этого материальные ресурсы.

Социальные причины, определявшие чрезвычайно важную роль женщины для обретения мужчинами власти, осмысливались архаической ментальностью посредством магических представлений, воплощавшихся прежде всего в культе плодородия. Здесь первостепенное значение имел сексуальный аспект брачных отношений, в рамках которых «сексуальное здоровье» мужчины идентифицировалось с наличием сакральной силы, за счет которой лидер в состоянии обеспечить природное и социальное плодородие, а значит гарантировать социуму стабильное существование. В результате маркером его авторитета стало большое количество жен, а для военных предводителей — гаремы.

В рамках военной культуры мужчины, соперничая между собой, символизировали свое доминирование насилием над женщинами поверженных. Данный феномен имеет истоки в обычно-правовой норме, признававшей женщину (как и детей) не полноправным социальным субъектом, а лишь продолжением (ипостасью) мужчины, с которым она ассоциировалась.

Наконец, мы приходим к выводу о том, что сформировавшиеся на заре человеческой истории поведенческие стереотипы продолжают во многом определять поведение людей на всем протяжении истории. Данные «психологические документы» (по выражению Л.С. Выготского) отчетливо фиксируются и у современных акторов, что рефлексивируется, правда, в категориях целе-рациональной ментальности.

Библиография

- Белов В.* Лад // Избранные произведения. М., 1984. Т. 3
Блуд на Руси. М., 1997.
- Бочаров В.В.* Власть. Традиции. Управление. Попытка этноисторического анализа политических культур современных государств Тропической Африки, М., 1992.
- Бочаров В.В.* Антропология возраста. СПбГУ, 2000.
- Бочаров В.В.* Антропология насилия // Антропология насилия. СПб., 2001.
- Бочаров В.В.* Россия: Молодость против старости? Антропологический аспект // Антропология власти. Власть в антропологическом дискурсе. СПбГУ, 2006. Т. 1.
- Бочаров В.В.* Истоки власти // Антропология власти. СПбГУ, 2006. Т. 1.
- Брайант А.* Зулусский народ до прихода европейцев. М., 1953.
- Веремченко В.А.* Семья в обход закона // Военно-исторический журнал. 2006. №3 (<http://www.mil.ru/viz-03-06-55-59.pdf>)
- Геодакян В.А.* Роль пола в передаче и преобразовании генетической информации // Проблемы передачи информации. 1965. Т. 1. № 1.
- Гиренко Н.М.* К диалектике пола в структуре первичного социума // Антропология власти. СПбГУ, 2006. Т. 1.
- Грот Л.П.* Алгебра родства и практика призвания правителя «со стороны» в европейской истории // Алгебра родства. СПб., 2009. Вып. 12.
- Дневники императора Николая II.* М., 1991.
- Желобовский А.И.* Семья по воззрениям русского народа. Воронеж, 1892.
- Калиновская К.П.* Возрастные группы народов Восточной Африки. Л., 1976.
- Кон И.С.* Введение в сексологию. М., 1988. (<http://sexology.narod.ru/chart416.html>).
- Ксенофонтова Н.А.* Женщина как действующее лицо африканской истории. Взгляд сквозь пространство и время // Антропология власти. СПбГУ, 2006. Т. 1.
- Куббель Л.Е.* Древнейшее сообщение о соправлении брата и сестры у африканских народов // Советская этнография. 1960. № 6.
- Куланж Фюстель де.* Гражданская община древнего мира. СПб., 1906.
- Мисюгин В.М.* Становление цивилизаций. СПб., 1998.
- Мухаммед VI* // Люди. Peoples. Ru 2005 // http://www.peoples.ru/state/king/mogosso/mohammed_VI.
- Панеш Э.* Традиции в политической культуре народов Северного Кавказа // Этнические аспекты власти. СПбГУ, 1995.
- Партийная этика: Дискуссии 20-х годов.* М., 1989.
- Риттер Э.А.* Чака Зулу. Возвышение зулусской империи. М., 1968.
- Тюгашев У.А.* Семейведение. Новосибирск, 2006. (http://window.edu.ru/window_catalog/files/r28138/nsu017.pdf)

Фроянов И.Я. Рабство и данничество. СПб., 1996.

Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. СПб., 2003. <http://evartist.narod.ru/text5/10.htm>

Щепанская Т.Б. Термины родства в группировках хиппи // Алгебра родства. СПб., 1995. Вып. 1.